

льчѣ раскладывалъ свой неизмѣнный пасьянсъ-Наполеонъ, наполняя свое одиночество мечтами о будущемъ богатомъ житьѣ, а Ольга Ивановна то спала, то возилась съ поросятами и индюками, которыхъ развела безчисленное множество. Каждый сидѣлъ въ своемъ углу и занятъ былъ собственнымъ дѣломъ.

Всѣ эти дни Лена провела въ безпокойствѣ. Она все ждала результатовъ своего поступка. Но Володя былъ по прежнему спокоенъ и самоуверенъ, и Лена стала сомнѣваться—дошло ли ея письмо по адресу? Нѣсколько разъ она принималась допрашивать Терентія, отдалъ ли онъ письмо? И каждый разъ получала неизмѣнный отвѣтъ: „будьте покойны!“ — „Нѣтъ, что-то не то!“—думала Лена.— Неужели она не обратила никакого вниманія? Не можетъ быть! Вѣрно, Володя замѣтилъ у нея письмо раньше, чѣмъ она прочла, и какъ-нибудь уничтожилъ его. Ахъ, что бы ей пріѣхать сюда самой, а бы все ей рассказала! Гдѣ бы ее увидѣть? Если она будетъ въ воскресенье въ церкви, непременно постараюсь съ ней поговорить, и тогда все узнаю“...

И Лена съ нетерпѣніемъ стала ждать воскресенья.

Наступило воскресенье. Леночка, одѣтая по праздничному, стояла у палисадника, дожидаясь, когда ударятъ къ обѣднѣ. Сердце ея усиленно билось, но не оттого, что ей предстояло неприятное объясненіе, а отъ боязни, что Марья Ивановна не пріѣдетъ. И она съ безпокойствомъ всматривалась въ ту сторону, откуда должна была пріѣхать Фирсова.

Вдругъ все лицо ея облилось яркимъ румянцемъ и сердце замерло. Изъ калитки вышелъ Діодоръ и, въ свою очередь, сильно смѣшался, увидѣвъ Лену. Онъ хотѣлъ-было пройти мимо, но потомъ раздумалъ и остановился.

— Куда это ты разрядилась?—спросилъ онъ, но, несмотря на такой обыкновенный вопросъ, голосъ его дрожалъ.

Съ того самаго рокового дня, когда имъ показалось, что они понимаютъ другъ друга, они ни разу не разговаривали.

— Къ обѣднѣ,—отвѣчала Лена тихо, и голосъ ея тоже дрожалъ.

И оба замолчали, взволнованные стоя другъ противъ друга. Лена сломила вѣтку акаціи и судорожно ошипывала ее, разбрасывая листья кругомъ, а Діодоръ на мелкіе кусочки ломалъ въ рукахъ какую-то палочку.

„Сказать или не сказать?—неотступно вертѣлось въ его головѣ.—Сказать или нѣтъ? Нѣтъ, скажу, это слишкомъ жестоко... Скажу“...

Онъ осмотрѣлся кругомъ—и весь вспыхнулъ. У окна стоялъ